

Руководители церкви АСД в 1890-е годы не всегда принимали мудрые решения; однако, большей частью это были люди, движимые самыми высокими побуждениями, верные своему долгу и исполняющие свои обязанности так, как они их себе представляли. Они трудились долгие часы, часто во вред собственному здоровью, пытаясь сделать все возможное для единства той церкви, к которой они принадлежали. (Энциклопедия АСД статья "Организация").

Тот администратор на западном побережье, который вначале послал в Австралию тысячу долларов, не положил оставшуюся сумму к себе в карман. У него даже и мысли не было об этом! Но он не подумал и о нуждах миссионерского поля, хотя к нему и обращались за помощью много раз.

Именно тогда, когда требовалось принять серьезное решение, когда нужна была сильная вера, церковные руководители оказывались не на высоте. (ЕГУ. Ежедневный бюллетень ГК 1901 г. стр. 24.) Но кто из нас достаточно праведен, чтобы бросить первый камень?

Для того, чтобы получить сегодня объективное представление о том времени, полезно было бы еще раз вспомнить о быстрых темпах роста, отмечавшихся в эти шестнадцать лет кризиса — увеличение количества членов, появление новых учреждений, освоение дальних стран. Христос стал центральной фигурой многих проповедей и публикаций. Конечно же Елена Уайт не отчаивалась! Зная лучше, чем кто-либо другой недостатки и достоинства руководителей церкви, она выделяла некоторых, осознающих ответственность своего высокого положения как "мужей трезвых и благоразумных" (ЕГУ, Ежегод. бюллетень ГК 1901 г. стр. 24). И она стойко защищала церковь от тех, кто пытался использовать ее слабости в оправдание собственного своеволия. "Церковь Христа, — писала она из Австралии, искренне обращаясь к церкви, имеющей веру в Иисуса и хранящей заповеди Божьи, — какой бы она не была, остается единственным объектом Его самого пристального внимания и благоволения на земле" ("Свид. для проп.", стр. 15).

Дела Елены Уайт никогда не расходились с ее словами. Когда в 1891 году Генеральная Конференция попросила ее поехать в Австралию, она не хотела ехать. Ей было уже 63 года, она была вдовой и просто уставшей от непомерного труда. Но она поехала.

Как только Елена Уайт приехала в Австралию, у нее резко обострился артрит. Как и у большинства новых миссионеров, у нее возникло нестерпимое желание вернуться домой, и она удивлялась, почему до сих пор она остается в Австралии. По ночам она просто не могла спать, ей хотелось кричать от боли. Но, сопротивляясь нахлынувшим [252] чувствам, она говорила себе: "Елена Уайт, что это с вами? Разве вы не приехали в Австралию, потому что почувствовали свой долг ехать туда, куда Генеральная Конференция сочтет нужным вам поехать. Разве не так вы поступали всегда?" На каждый вопрос она отвечала утвердительно и продолжала: "Тогда почему вы чувствуете себя покинутой и разочарованной? Не работа ли это лукавого?"

"Я верю, что это так".

И утирая глаза, она заключала: "Довольно, я не стану более смотреть на мрачную сторону жизни. Суждено ли мне жить или умереть, я сохраню свою душу для Того, Кто умер за меня". (Изб. вести, книга 2, 233-234).

"Я последовала голосу Генеральной Конференции, — писала она в 1892 году, — как я и пыталась делать это в тех случаях, когда не имела ясного света сама... Я в Австралии, и я верю, что я именно там, где Господь хочет видеть меня". (Изб. вести, кн. 2, стр. 239).

Она была безусловно права. Воспользовавшись своей изоляцией от основного центра работы и его руководителей, медливших что-либо менять, она добилась возникновения колледжа, среди нищеты и эвкалиптов, она дала жизнь колледжу, которому надлежало стать революционной вехой, отправной точкой всего будущего адвентистского образования.

Когда люди приезжали в Авондейл познакомиться с успехами, достигнутыми со времени основания колледжа, сестра Уайт говорила о них в таких ярких выражениях, рассказывала о помощи, которую время от времени оказывали американские адвентисты с такой благодарностью, что посетители просто поражались. Учитывая эти дары и вклады в строительство, она писала: "Здесь, в Австралии, мы чувствуем на себе огромную ответственность. Мы должны отдать себя работе Господней и обучать и воспитывать молодых людей так, чтобы они были готовы служить Богу и у себя на родине и в заграничных миссиях" (РЭГ 18 октяб. 1898, 661 стр.).

Никто ни разу не слышал, чтобы она жаловалась на невыполненные обещания или недостатки административных работников. Всем участникам этого строительства в течение всех лет она с удивительной верой говорила о будущем того движения, которому она навеки отдала свою жизнь. "Нет нужды сомневаться, страшиться того, что работа не будет иметь успех, — заявляла она с пророческой проницательностью. — Бог во главе работы и Он приведет все в порядок. Если дела нуждаются в упорядочении свыше, Бог совершит это и обратит в добро то, что было злом. Так давайте же верить в то, что Бог благополучно доведет корабль со своим народом до гавани" (ЕГУ. "Избранные вести", кн. 2, 390 стр.). [253]

События, как правило, подтверждали ее правоту. Уже были предприняты некоторые шаги. В ближайшее время должны были произойти серьезные перемены для разрешения проблемы сверхцентрализации, "царской власти", перемены, которые сегодня способствуют благу церкви.

В 1889 году конференции в Северной Америке были сгруппированы в шесть "районов", каждый из которых возглавлялся специальным представителем Генеральной Конференции.

В 1891 году А. Т. Робинзон был отправлен для организации конференции в Южной Африке. Решено было, что он создаст обычные "общества" и "ассоциации". Но каким образом? У него было слишком мало людей для столь многих комитетов. Он решил подчинить все ассоциации одной общей структуре конференции, как "отделы" с одним представителем. Для этого он обратился за разрешением в Батл-Крик, до которого почта шла целый месяц. Руководящие братья выступили решительно против его планов, но в силу загруженности работой его дело попало в "долгий ящик". Робинзон расценил задержку с ответом как одобрение и приступил к осуществлению своего проекта. Когда же Батл-Крик прислал, наконец, свое "Нет", новая система уже действовала так хорошо, что он не стал ее менять.

В то время Австралия фигурировала в отчетах как "Район 7". В 1894 году он был реорганизован в Австралийскую Унионную Конференцию, первый унион. Представитель Генеральной Конференции был замещен группой административных работников и комитетов, представляющих местные конференции.

В 1897 году Робинзон был отозван из Южной Африки и назначен президентом

Центрально-Австралийской Конференции. Он нашел там ряд обычных обществ и ассоциаций. Он переделал их в отделы конференции. Братья Даниэльс и Вильям Уайт были в недоумении до тех пор, пока не увидели как хорошо действует эта система. Тогда они убедили остальные конференции и новый австралийский унион также организовать у себя отделы. Опыт с отделами и унионами на местном уровне на Генеральной Конференции 1901 года стал ценным свидетельством того, что такой путь был правильным.

В 1897 году сессия Генеральной Конференции, собравшаяся в Унионном Колледже сделала комитет Генеральной Конференции более представительным, расширив его до тридцати человек. (В 1883 году он был увеличен до 5 человек, в 1886 году — до 7). Сессия [254] также усовершенствовала некоторые комитеты, распределила обязанности президента среди нескольких человек, и закрепила степень автономии за Европейским и Австралийским полями, но дальше этого не пошла.

Генеральная Конференция 1899 года была рутинной и шаблонной.

В 1901 году на Генеральной Конференции наблюдался прогресс.

Не все, однако, ожидали его. Елена Уайт сама говорила позднее: "Я не хотела ехать в Батл-Крик. Я боялась, что бремя, которое я должна буду взвалить на себя, будет стоить мне жизни". Когда руководители попросили ее присутствовать на конференции, она сказала, что не может. Но когда Бог в видении попросил ее присутствовать там, она послушалась. (Ежед. Бюллетень ГК 1901, стр. 43).

Первого апреля, за день до официального открытия сессии, миссис Уайт, недавно вернувшаяся в Америку из Австралии, встретила с руководителями церкви в библиотеке колледжа. Ей была показана внутренняя жизнь многих из них, она написала им свидетельства и вообще она знала их лучше, чем они знали сами себя. Там были собраны люди, возглавляющие дело Божье и, как истинная мать Израиля, она любила всех их. [255]

Благоговейно она представила им обзор тех вестей, с которыми она собиралась обратиться к ним публично в течение последующих нескольких недель, так чтобы они

могли заранее знать, что ожидает их. Делегаты тихо договорились о перенесении их заседания на завтра, чтобы обдумать то, о чем предупреждала их сестра Уайт. На следующее утро они вновь собрались уже в здании церкви.

С внушительной часовой башней, красными подушками кресел и дорогими канделябрами, "Дайм Табернакл" (буквально 10-ти центовый храм) [Название "10-тицентовый храм" связано с тем, что адвентисты по всем Соединенным Штатам в течение одного года собирали по одной 10-ти центовой монете в неделю и большая часть денег (26000 долларов), необходимых для постройки, была собрана именно таким образом.] представлял собой самое большое здание в Батл-Крике и, вероятно, самую крупную церковь всего движения. В ней могло удобно разместиться 2500 человек. На этот раз были заполнены до отказа все балконы. Говорят, что на той сессии Генеральной Конференции присутствовало около 4000 человек. Хорошо известна фотография Елены Уайт во время проповеди на этой сессии. На этой фотографии плохо слышащие делегаты сидят на ступенях, ведущих с кафедры на балкон. Видно фортепиано, а не орган, и это не случайно. Члены церкви хотели установить настоящий орган, но Елена Уайт в письмах из Австралии убедила их не делать этих расходов, а сэкономить деньги для миссий. (Ежедн. Бюллетень ГК, 1893 год, стр. 13-15).

Президент Ирвин открыл заседание с соответствующих объявлений. Затем выступила Елена Уайт. Это была первая Генеральная Конференция, на которой она присутствовала за истекшие 10 лет.

Она принесла делегатам ясное свидетельство: "Вы не имеете права предпринимать что-либо, — заявила она, — до тех пор, пока вы не будете руководствоваться Божьим порядком!"

"Бог не основывал "Царскую власть" в наших рядах!"

"То, что эти люди должны были стоять на святом месте, чтобы быть голосом Божьим... это все в прошлом".

"Что мы хотим сегодня — это реорганизация на новых принципах".

Новым принципом была "любовь". Какая любовь? Такая, какую явил нам Иисус, объясняла она. Любовь, которая скрепляет жизнь семьи. Любовь, которая оберегает человека от сплетен и недовольства. Любовь, которая берет на себя ответственность исполнять повеление Христа — "Идите по всему миру".

"Настало время, когда этот народ должен родиться свыше", — воскликнула она. Всматриваясь в лица сидящих в зале, на балконе, на ступенях, она говорила: "Я хочу [256] иметь одну семью с благословенными, и я хочу, чтобы и вы были в этой семье. Я хочу работать в согласии с вами". "Пусть каждый из вас идет домой, — закончила она, — не затем, чтобы болтать и болтать, но чтобы молиться".

Она села. Все собрание благоговейно молчало, тронутое прискорбными воспоминаниями о прошлом, ожившими надеждами на будущее, готовое к решению настоящих проблем.

После паузы поднялся брат Даниэльс. В течение многих лет он работал с Еленой Уайт в Австралии и на многих опытах научился доверять ее руководству. Он советовал братьям отойти от обычных процедур и заранее заготовленного плана. Единственная формальная процедура, к которой он решился прибегнуть, это создать более расширенный комитет, чтобы он отвечал нуждам реорганизации, и, действуя на парламентской основе, стал бы своего рода "комитетом всех". Его намерением было обеспечить максимум свободы для дискуссий, так чтобы Дух Святой имел достаточный простор для работы.

Помимо того, что этот расширенный комитет изо дня в день выступал с сообщениями, представляя их на обсуждение всего собрания, одновременно проводились богослужения, читались проповеди, которые так же содействовали пробуждению в собравшихся на сессию чувства единой ответственности перед миром.

Доктор Келлог выступил с волнующей вестью, подчеркивающей роль медицинско-миссионерской работы в спасении душ.

В 11.30 утра 3 апреля брат Даниэльс сообщил делегатам о том, что в Соединенных Штатах проживает всего лишь 1/20 населения мира. За пределами этой страны — девятнадцать двадцатых человечества! "Однако из 75000 верующих в третью ангельскую весть около 60000 проживает здесь, в Соединенных Штатах!" Он указал пальцем на карту мира, висевшую на стене позади него. "Сегодня в мире 1000000000 язычников. Из 1400000000 живущих две трети — язычники". (Ежедн. Бюллетень ГК, 1901 год, стр. 48-50).

Елена Уайт вновь и вновь поднималась за кафедру, чтобы подкрепить эти вдохновенные призывы авторитетом своих свидетельств. "Поле — это весь мир, — возглашала она. — Но осознает ли это Генеральная Конференция?" Она открыто рассказывала о своих собственных опытах. "Я сказала Господу, что когда я прибуду в Батл-Крик, я спрошу у братьев, почему они не посылали средства для работы в Австралии... Мы верим, что на этой встрече работа будет поставлена так, чтобы подобные вещи больше не повторялись. Два или три человека, никогда не видевшие тощие, бесплодные поля, не должны контролировать весь ход дел". (Ежедн. Бюллетень ГК, 1901 год, стр. 84-85).

Она также неоднократно призывала врачей и служителей не отделяться друг от друга и не позволять зависти, непониманию и ссорам [257] разделять их. "Я желаю сказать вам, — предостерегала она, — что скоро никакая работа не будет вестись по служительской линии, кроме медицинской миссионерской работы". (Ежедн. Бюллетень ГК, 1901 год, стр. 204).

Эта весть благоприятно подействовала на делегатов. Произошли изменения, и в конце сессии очень многие желали возблагодарить Бога за удивительную работу, которую Он совершил в их сердцах в течение предшествующих собраний.

Достигнутые изменения оставили глубокий след. К примеру, "районы" в Северной Америке (с организовывающимся Южным полем) решили реорганизовать в унионные конференции по австралийскому образцу. Результатом было то, что конференции достигли такой степени самостоятельности в решении вопросов, какой ранее не знали. Распространившись по всему миру, этот план показал свою жизнеспособность, стимулируя рост и развитие церкви. Поля, удаленные от руководящего центра, получили, наконец, свободу принимать решения, которые раньше принимались в Батл-Крике, а Генеральная Конференция высвободила время для урегулирования основных проблем и видения общей политики церкви.

Комитет Генеральной Конференции был расширен (в то время до 25 человек) так, чтобы уже никогда не повторить печального опыта комитета из "двух-трех человек", принимающих решения за всю церковь. Число членов комитета отныне не было постоянным. Каждый президент унионной конференции объявлялся официальным членом комитета, а это значило, что человек, проживающий в любом месте земного шара и избранный руководителем в местные органы, становился членом комитета Генеральной Конференции на тех же правах, что и работники, живущие в Соединенных Штатах. В 1970 г. численность комитета достигла 300 человек! Никогда больше проблемы церкви не решались людьми, географически ограниченными территорией Северной Америки.

В 1901 году была введена новая политика, по которой гарантировался отток денежных средств от преуспевающих конференций церкви к менее благополучным и нуждающимся. Был начат процесс соединения различных обществ и ассоциаций (Субботняя Школа, Трэк энд Мишионери и т. д.) в "отделы" соответствующих им конференций (местных унионных и генеральной).

О всех этих изменениях, безусловно, должно было извещаться все мировое поле. Отделы и унионные конференции были первоначально организованы на территории миссий. Вся реорганизация была рассчитана на то, чтобы содействовать управлению деньгами, людьми и властью, подчиняя все идее "благовествования миру".

К сожалению, когда дело дошло до организации отделов, Медицинско-Миссионерская благотворительная Ассоциация заколебалась. [258] Хотя отношения между докторами и служителями за время сессии улучшились, все же некоторая степень недоверия оставалась. Временный компромисс был достигнут избранием в члены комитета Генеральной Конференции шести представителей медицинской ассоциации.

Следующая Генеральная Конференция состоялась в 1903 году в Окленде, Калифорния (где располагалось издательство "Пасифик Пресс" до своего переезда в Маунти Вью). На этой сессии процесс создания унионов и отделов был завершен и все внимание было уделено дальнейшему развитию медицинской работы. К сожалению, за этот период времени недоверие доктора Келлога к служителям скорее углубилось, нежели уменьшилось. Началось движение за то, чтобы все адвентистские учреждения отдать во владение или местным конференциям, или Генеральной Конференции, а не оставлять их во власти полузависимых ассоциаций.

Доктор Келлог и ряд его близких друзей отказались от такого предложения, но 80 % делегатов проголосовали "за". Только санаторий в Батл-Крике и еще один в Мексике все еще оставались вне церковной организации.

Тем временем (в феврале 1902 года) полностью сгорело главное здание Санатория в Батл-Крике. Пока доктор Келлог занимался возведением нового здания, 30 декабря сгорело до основания главное здание Издательства "Ревью энд Геральд". Все вдруг обратили внимание на предупреждение Елены Уайт покинуть Батл-Крик. Генеральная Конференция 1903 года рекомендовала перевести свои службы и издательство "Ревью энд Геральд" из Батл-Крика в другое место.

Начатые изменения были завершены. Адвентистская церковь перерезала пуповину, связывающую ее с Батл-Криком, Мичиганом и с Соединенными Штатами. Переехав в столицу страны, она стала как бы ближе к миру, вобрала в себя мир — благодарный за ее новую организационную структуру, обеспечивающую свободу решений и обеспечивая ей оптимальную координацию усилий.

Следует упомянуть и еще о двух выдающихся организационных моментах тех лет. Распределяя работников в Европе, сессия Генеральной Конференции 1913 года ввела новую административную единицу "дивизион", которых в настоящее время насчитывается двенадцать. Дивизион был задуман как часть Генеральной Конференции, действующей в данной части мира. В то же время каждый дивизион охватывает собой ряд унионов. Унионы, в [259] свою очередь, состоят из местных конференций, а местные конференции из местных церквей. Целью такой организации было то, чтобы между членами церкви и высшим чином Генеральной Конференции не было административного разрыва, чтобы все движение было внутренне связанным, единым целым.

Следует особо сказать об административном единстве белых и чернокожих братьев, существующем в Северной Америке. На стыке столетий, как говорят, в Соединенных Штатах было всего несколько сот чернокожих адвентистов. По мере того, как количество членов среди них возрастало, увеличивалось и количество пасторов. Елена Уайт настаивала на том, чтобы голоса чернокожих тоже были слышны в представительных комитетах церкви. С ростом членства черных этот совет был принят на уровне Генеральной Конференции. В начале 1940 года несколько местных конференций согласились включать черных служителей в комитеты конференций,

дабы те могли представлять интересы черного населения. В 1944 году новая политика открыла путь черным верующим создавать собственные конференции (известные как "цветные", "региональные", "черные") внутри существующих унионов. И чернокожие, за исключением западного побережья Тихого океана, приняли это предложение. В результате многие чернокожие были выдвинуты на руководящие посты. Резко возрос приток новых членов в церковь из числа чернокожих.

Оглядываясь на сессии Генеральной Конференции 1901-1903 гг, сестра Уайт имела основание радоваться происходящим административным изменениям. И она была довольна. Если однажды она сказала, что прошло то время, когда Генеральная Конференция была голосом Всевышнего, то в 1909 году она имела право сказать: "Когда на Генеральной Конференции высказываются мнения братьев, собравшихся со всех концов мира, никто уже не может быть независимым и упрямо отстаивать свое частное суждение. В 1913 году она добавляла: "Я чувствую себя ободренной и благословленной, когда сознаю, что Бог Израилев все еще ведет Свой народ, и что Он будет продолжать пребывать с ним до конца мира". (Избранные вести, книга 2, стр. 406).

И все же Елена Уайт не была полностью удовлетворена 1901 годом. Спустя некоторое время, когда она приготовила перо, чтобы описать некоторые спорные вопросы сессии, видение перенесло ее назад к тому, что могло бы произойти на сессии, но, к сожалению, не произошло. В этом видении она видела делегатов, полностью откликнувшись на призыв Божий к реорганизации. Люди исповедовались до поздней ночи. Радость и ликование, последовавшие вслед за этим, никогда ранее не были слышны в стенах церкви в Батл-Крике.

Видение окончилось. Пророчица по-прежнему сидела с пером в руке. И тогда она произнесла эти божественные слова: "Все небо [260] ожидало оказать милость. И это могло быть на самом деле". Агония разочарования охватила ее, когда она представила себе все это. (СЦ8, стр. 104-106).

Сессия 1901 года без сомнения была великой победой. Но личные чувства продолжали стоять барьером между служителями и докторами. Когда сестра Уайт думала о докторе Келлоге, ее сердце почти разрывалось. Она чувствовала себя, как царь Давид после победы в лесах Еффраимовых: "О, Авессалом, сын мой, сын мой!"

Противоречия между медиками и служителями обострялись все сильнее и после сессии 1903 года в действительности вылились в три группировки. Пантеизм Келлога, явно сквозивший в его книге "Живой храм", занятая им на сессии 1903 года позиция независимости, углубили разрыв между Ним и служителями. В это же время Эд Сатерленд и Перси Мэган, лидеры реформы образования, заняли нетерпимую позицию по отношению к служителям, когда отчаялись протолкнуть свои новые идеи в Имманьюэл Мишионери Колледж. В 1904 году собрание мичиганской конференции в Бэрриен Спрингс, проходившее на территории колледжа, показало, что "шестнадцатилетний кризис", достиг своей вершины.

Е. Уайт в то время стала известной как примиренческое сердце всех трех групп. Но Сатерленд и Мэган в припадке раздражения просто отказались от своих постов в колледже. Взаимная неприязнь между Келлогом и служителями церкви сохранялась. Однажды, когда Келлог выступал с речью, он заметил, что глаза всех прикованы к кому-то позади него. Он обернулся, увидел сестру Уайт, идущую к кафедре, и уступил ей место. Старая женщина в горячем материнском порыве сделала еще одну попытку спасти доктора, если это только возможно. Келлог отошел к задней стене. В зале сидел его брат Уилл. Сестра Уайт вспомнила тот день, когда их мать перед своей смертью взяла с Елены обещание, что она возьмет ее мальчиков в Небесное Царство. Уилл плакал. Доктор оставался невозмутимым. Он взглянул на часы, решил что ему уже пора на поезд до Батл-Крика и вышел на улицу.

Его уход был символичным.

Но сестра Уайт никогда не отступала. Келлога она действительно не могла вернуть, но она безропотно сгибала свою старую спину, продолжая трудиться ради спасения душ.

Она основала Колледж Медицинских Евангелистов в Лома Линда и убедила руководящих служителей набрать штат колледжа из [261] врачей, окончивших Батл-Крикский колледж. Откликнулся Даниэльс, откликнулись врачи и старые раны начали заживать. Она последовала за Сатерлендом и Мэганом на Юг, высказала им свидетельство в назидание, которое они приняли с покаянием, и приняла участие в их начинаниях по строительству Мэдисоновского колледжа и Санатория, став активным членом их правления — единственный случай, когда она приняла участие в правлении. Таким образом она удержала их не только в церкви, но и в братском кругу адвентистских работников.

1901 и 1903 годы были поворотными и основополагающими. Таким же был и 1904 год. Сестра Уайт заняла свою позицию посередине этого треугольника противоречий и сомкнула круг любви, который оказался настолько широким, что вместил в себя все партии и сплотил их в единый прочный союз. [262]